

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА В РАМКАХ РЕГИОНАЛЬНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО КОНТЕКСТОВ

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ 1930-Х ГОДОВ: СУЩНОСТЬ И МАСШТАБЫ

Азарова Л.А.,

*студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Моторова Н.С., доктор ист. наук, доцент*

Ключевые слова. Репрессии, Большой террор, государство, политика, НКВД.
Keywords. Repressions, the Great terror, state, politics, NKVD.

Актуальность темы обусловлена тем, что репрессивная политика являлась одним из составных компонентов внутренней политики советского государства в 1930-х гг. и оказала огромное влияние на взаимоотношения государства и общества. Репрессии были направлены на уничтожение всякого инакомыслия в политической сфере и одновременно являлись обязательным условием функционирования советской экономики. Изучение данного исторического опыта важно для понимания и объективной оценки общественно-политических и социально-экономических процессов, разворачивавшихся в СССР в межвоенный период.

Цель данной работы заключается в выявлении сущности репрессивной политики СССР в 1930-х гг. через призму конкретных исторических примеров.

Материал и методы. Основным материалом для данной научной работы послужили монографии Р. Конквеста [1], О.В. Хлевнюка [3], В.Н. Хаустова [4], А.Б. Мартиросяна [5]. При проведении исследования применялись как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, дедуктивный, логический), так и специально-исторические методы. Основными методами, использованными в исследовании, являлись метод сравнительного анализа, описательный метод и метод исторической ретроспекции.

Результаты и их обсуждение. Начало массовых репрессий в СССР связано с убийством первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Киров. 1 декабря 1934 г. он был застрелен в своем рабочем кабинете в Смольном Л.В. Николаевым. Убийство могло быть совершено по личным мотивам, однако существует версия о политическом заговоре, т. е. о причастности к нему И.В. Сталина.

Гибель С.М. Кирова послужила поводом для ужесточения порядка производства дел о «террористических организациях». Уже вечером 1 декабря 1934 г. был подготовлен документ, согласно которому могли сокращаться сроки следствия по делам государственной важности до 10 дней. Допускалась возможность их рассмотрение в отсутствие обвиняемых и вынесения смертных приговоров, не подлежащие обжалованию и пересмотру [1, с. 407]. В этой связи известный советский политический деятель Н.И. Бухарин в разговоре с И.Г. Эренбургом сказал: «Вы понимаете, что это значит? Ведь теперь он может сделать с нами все, что захочет! И будет прав» [3, с. 196].

5 декабря 1934 г. были вынесены первые приговоры лицам, якобы замешанным в убийстве С.М. Кирова. В общей сложности был осужден 71 человек, из которых 66 расстреляны. Вскоре в Киеве расстреляли еще 28 лиц, обвиненных в причастности к убийству С.М. Кирова [5, с.255]. Однако эти суровые приговоры не имели под собой реальных оснований.

В январе 1935 г. активизировалась работа Особого совещания НКВД. Оно имело право заключать в тюрьму лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, основывая обвинение исключительно на донесениях тайных осведомителей. К осени 1937 г. Особое совещание НКВД получило практически

неограниченную свободу действий, так как оно могло выносить смертные приговоры [1, с. 435]. Внесудебные репрессии приобрели ранг юридических норм.

В 1930-е гг. происходит увеличение аппарата НКВД. Кадры чекистов вербовались напрямую с заводов и предприятий. Люди «от станка», призванные разоблачать «классовых врагов», чувствовали свою безграничную власть. В этой связи характерное замечание сделал в своих мемуарах Н. Мальцева: «В любом учреждении был свой «осведомитель-стукач» от НКВД, он должен был находить «врагов народа» и выявлять их, а там уже решали, как, когда и где его арестовывать. В нашей редакции таким «стукачом» был некто Моисеевич – тупой, наглый, хитрый человек, он наслаждался своей властью. «Стукач» шнырял повсюду, во все вмешивался, всем угрожал. Он занимал скромную должность завхоза. На его совести было много жизней и несчастий людей. Впрочем, совести у него не было» [5, с. 388].

Кроме того, во время массовой ротации кадров органы внутренних дел провели на территории СССР масштабную этническую чистку. Летом 1937 г. была осуществлена операция по ликвидации немецких контингентов, работавших на оборонных предприятиях, а осенью уничтожили «японскую агентуру» среди лиц, репатриированных из Харбина после передачи Китайско-Восточной железной дороги Японии. В 1937–1938 гг. на территории Украины и Беларуси закрыли польские образовательные и культурные учреждения: 670 школ, 2 вуза, 3 театра, а также 1 центральную, 6 республиканских и 16 районных газет, выходивших на польском языке. С января по июль 1938 г. обвинили в шпионаже и расстреляли 3,5 тыс. латышей – в основном профессоров, литераторов, дипломатов, офицеров. Свыше половины из них состояли в ВКП(б). В Ленинграде репрессировали несколько тысяч финнов, закрыли финские школы, техникумы, церкви, газеты. В 1935 г. провели первую сталинскую депортацию целого народа. Вся корейская община (200 тыс. человек), занимавшая на Дальнем Востоке территорию целого района с 55 сельсоветами, была отправлена в степи Казахстана и Узбекистана в спецпоселения [4, с. 258].

Репрессивная политика коснулась и Русской православной церкви. После «безбожной пятилетки» первой половины 1930-х гг. с ее массовыми разрушениями храмов основной удар теперь был направлен против священников и наиболее активных прихожан: их лишали продовольственных карточек и работы, отправляли в ГУЛАГ или в ссылку [2, с. 106]. Церковь оказалась на грани полного уничтожения.

Репрессии в той или иной степени затронули все социальные группы и слои. За время Большого террора было арестовано 34 члена Академии наук СССР, значительное количество «уклонистов» в области экономики, истории, литературы [4, с. 85]. В 1937 г. по обвинению в предательстве и шпионаже к смертной казни были приговорены маршал М.Н. Тухачевский (заместитель наркома обороны), И.Э. Якир (командующий войсками Киевского военного округа), И.Л. Уборевич (командующий Белорусским военным округом), а также еще пять военачальников: Р.П. Эйдеман, А.И. Корк, В.К. Путна и В.М. Примаков. С 1937 по 1938 г. подверглись репрессиям три маршала из пяти, тринадцать командармов из пятнадцати. Из армии было уволено 35 тыс. офицеров [4, с. 205].

Пик массовых репрессий был связан с именем Н.И. Ежова, занимавшего пост народного комиссара внутренних дел с сентября 1936 г. по август 1938 г. Основной удар, был нанесен по партийной, государственной и военной верхушке СССР. Репрессии обрушились на чекистов со стажем, практически все начальники отделов наркомата внутренних дел и их заместители были арестованы. С 1934 по 1939 г. по обвинению в контрреволюционных преступлениях было репрессировано свыше 20 тыс. чекистов [4, с. 112].

Кульминация Большого террора пришлась на рубеж 1937–1938 гг., затем руководство страны предприняло ряд мер, снизивших накал борьбы с «врагами народа». 17 ноября 1938 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли секретное постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Массовые необоснованные аресты, упрощенное ведение судопроизводства, нарушения процессуальных норм подлежали разоблачению и осуждению. Вина возлагалась на «шпионов» и «врагов народа», пробравшихся в органы НКВД. Судебные «тройки» ликвидировались, массовые операции по арестам запрещались. Многие дела возвращались на доследование, увеличилось число оправдательных

приговоров [4, с. 304]. В печати стали появляться сообщения о привлечении к уголовной ответственности клеветников, прошли многочисленные процессы по делам следователей-фальсификаторов. Создавались специальные комиссии для работы с апелляциями осужденных граждан.

Заключение. В результате проведенного исследования было выявлено, что внешне хаотичные массовые репрессии 1930-х гг. представляли собой серию централизованных карательных операций против различных категорий населения, которые могли представлять гипотетическую угрозу для режима И.В. Сталина. Это позволило раскрыть сущность репрессивной политики и определить ее масштабы.

1. Конквест, Р. Большой террор / Р. Конквест. – Firenze : Autora, 1974. – 1064 с.
2. Литвинова, Н. Сталинские депортации и репрессии 30-х годов XX века / Н. Литвинова, В. Соколов // Росс. науч. журн. – 2008. – № 2. – С. 103–116.
3. Хлевнюк, О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы / О. В. Хлевнюк. – М.: РОССПЭН, 1996. – 294 с.
4. Хаустов, В.Н. Сталин, НКВД и репрессии, 1936–1938 гг. / В.Н. Хаустов, Л. Самуэльсон. – М.: РОССПЭН: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – 430 с.
5. Мартиросян, А.Б. Сталин и репрессии 1920–1930-х годов / А. Б. Мартиросян. – М.: Вече, 2016. – 412 с.

ПРАВОСЛАВНОЕ ЗАКОНОУЧИТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО В НОВОГРУДСКОЙ, РАДОШКОВИЧСКОЙ И КЛЕЦКОЙ БЕЛОРУССКИХ ГИМНАЗИЯХ МЕЖВОЕННОЙ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Ананько К.Д.,

*аспирант ГрГУ им. Я. Купалы, учитель истории ГУО «Гимназия № 7 г. Гродно»,
г. Гродно, Республика Беларусь*

Научный руководитель – Горный А.С., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. История, Западная Беларусь, межвоенный период, белорусские гимназии, образование.

Keywords. History. Western Belarus, interwar period, Belarusian gymnasiums, education.

Все время религия являлась своеобразным социальным “коммуникатом” в различных областях жизнедеятельности людей. В 1920–1930-е гг. в межвоенной Западной Беларуси, которая находилась в составе Польши, происходил синтез религии и белорусского национального движения. Белорусские активисты вместе с некоторыми представителями духовенства стремились включить национальный элемент в религиозную жизнь местного населения, видя в этом полезную цель популяризации идеи национального самоопределения. Одним из способов трансляции этой идеи являлось образование. Цель работы – раскрыть характер православного законоучительского дела в белорусских гимназиях на территории Западной Беларуси.

Материал и методы. Источниками послужили материалы Центрального государственного архива Литвы (LCVA). Используются общенаучные и специально-исторические методы.

Результаты и их обсуждение. Изучение религии в начальных и средних учебных заведениях, несмотря на вероисповедание, являлось обязательным согласно статье 120 Конституции Польши от 17 марта 1921 г. Правовой гарантией благоприятных условий для православной среды в начале вхождения стало постановление «Временное положение об отношениях Православной Церкви и государства», изданное в январе 1922 г. Министерством вероисповеданий и публичного просвещения Польши. Действующее до 1938 г. постановление объявило автокефалию православной церкви в Польше, фактически поставив ее под контроль со стороны польских властей. Однако все равно ощущалась недостаточность правового урегулирования положения православной церкви, особенно в преподавании православного Закона Божьего в учебных заведениях. Проблема заключалась в том, что этот предмет преподавали в городах и местечках. Но благодаря